(1)Василий Конаков, или просто Вася, как звали мы его в полку, был командиром пятой роты. (2)Участок его обороны находился у самого подножия Мамаева кургана, господствующей над городом высоты, за овладение которой в течение всех пяти месяцев шли наиболее кровавые бои.

(3)Участок был трудный, абсолютно ровный, ничем не защищённый, а главное, с отвратительными подходами, насквозь простреливавшимися противником. (4)Днём пятая рота была фактически отрезана от остального полка. (5)Снабжение и связь с тылом происходили только ночью. (6)Всё это очень осложняло оборону участка. (7)Надо было что-то предпринимать. (8)И Конаков решил сделать ход сообщения между своими окопами и железнодорожной насыпью.

(9)Однажды ночью он явился ко мне в землянку. (10)С трудом втиснул свою массивную фигуру в мою клетушку и сел у входа на корточки. (11)Смуглый кудрявый парень, с густыми чёрными бровями и неожиданно голубыми, при общей его чёрноте, глазами. (12)Просидел он у меня недолго — погрелся у печки и под конец попросил немного толу – «а то, будь
оно неладно, все лопаты об этот чёртов грунт сломал».

— (13)Ладно, — сказал я. — (14)Присылай солдат, я дам, сколько надо.

— (15)Солдат? — он чуть-чуть улыбнулся краешком губ. — (16)Не так-то у меня их много, чтоб гонять взад-вперёд. (17)Давай мне, сам понесу. (18)И он вытащил из-за пазухи телогрейки здоровенный мешок.

(19)На следующую ночь он опять пришёл, потом — его старшина, потом — опять он.

(20)Спустя полторы-две недели нам с капитаном удалось попасть во владения Конакова, в пятую роту. (21)Сейчас прямо от насыпи, где стояли пулемёты и полковая сорокапятка, шёл не очень, правда, глубокий, сантиметров на пятьдесят, но по всем правилам сделанный ход сообщения до самой передовой.

(22)Конакова в его блиндаже мы не застали. (23)На ржавой, неизвестно откуда добытой кровати, укрывшись с головой шинелью, храпел старшина, в углу сидел скрючившись с подвешенной к уху трубкой молоденький связист. (24)Вскоре появился Конаков, растолкал старшину, и тот, торопливо засунув руки в рукава шинели, снял со стены трофейный автомат и ползком выбрался из блиндажа.

(25)Мы с капитаном уселись у печки.

— (26)Ну как? — спросил капитан, чтобы с чего-нибудь начать.

— (27)Да ничего, – Конаков улыбнулся, как обычно, одними уголками губ. — (28)Воюем помаленьку. (29)С людьми вот только сложно…

— (30)Ну с людьми везде туго, – привычной для того времени фразой ответил капитан. — (31)Вместо количества нужно качеством брать.

(32)Конаков ничего не ответил. (33)Потянулся за автоматом.

— (34)Пойдём, что ли, по передовой пройдёмся?

(35)Мы вышли.

(36)Вдруг выяснилось то, что ни одному из нас даже в голову не могло прийти. (37)Мы прошли всю передовую от левого фланга до правого, увидели окопы, одиночные ячейки для бойцов с маленькими нишами для патронов, разложенные на бруствере винтовки и автоматы, два ручных пулемёта на флангах — одним словом, всё то, чему и положено быть на передовой. (38)Не было только одного — не было солдат. (39)На всём протяжении обороны мы не встретили ни одного солдата. (40)Только старшину. (41)Спокойно и неторопливо, в надвинутой на глаза ушанке, переходил он от винтовки к винтовке, от автомата к автомату и давал очередь или одиночный выстрел по немцам…

(42)Дальнейшая судьба Конакова мне неизвестна — война разбросала нас в разные стороны. (43)Но, когда вспоминаю его — большого, неуклюжего, с тихой, стеснительной улыбкой; когда вспоминаю, как он молча потянулся за автоматом в ответ на слова капитана, что за счёт количества надо нажимать на качество; когда думаю о том, что этот человек вдвоём со старшиной отбивал несколько атак в день и называл это только «трудновато было», мне становится ясно, что таким людям, как Конаков, и с такими людьми, как Конаков, не страшен враг. (44)Никакой!

(45)А ведь таких у нас миллионы, десятки миллионов, целая страна.

(По *В. П. Некрасову**)

* *Виктор Платонович Некрасов* (1911 — 1987 гг.) — русский писатель, автор произведений о буднях военной жизни.

1. Из предложений 25–34 выпишите синонимы (синонимическую пару).

(1)Нежность — самый кроткий, робкий, божественный лик любви.(2)Любовь-страсть — всегда с оглядкой на себя. (3)Она хочет покорить, обольстить, она хочет нравиться, она охорашивается, подбоченивается, мерит, всё время боится упустить потерянное. (4)Любовь-нежность всё отдаёт, и нет ей предела. (5)И никогда она на себя не оглянется, потому что «не ищет своего». (6)Только она одна и не ищет. (7)Но не надо думать, что чувство нежности принижает человека. (8)Наоборот. (9)Нежность идёт
сверху, она заботится о любимом, охраняет, опекает его. (10)А ведь опекать и охранять можно только существо беззащитное, нуждающееся в опеке, поэтому слова нежности — слова уменьшительные, идущие от сильного к слабому.

(11)Нежность встречается редко и всё реже. (12)Современная жизнь трудна и сложна. (13)Современный человек и в любви стремится прежде всего утвердить свою личность. (14)Любовь — единоборство. — (15)Ага! (16)Любить? (17)Ну ладно же. (18)Засучили рукава, расправили плечи — ну-ка, кто кого?

(19)До нежности ли тут? (20)И кого беречь, кого жалеть — все молодцы и герои. (21)Кто познал нежность — тот отмечен.

(22)В представлении многих нежность рисуется непременно в виде кроткой женщины, склонившейся к изголовью. (23)Нет, не там нужно искать нежность. (24)Я видела её иначе: в обликах совсем не поэтических, в простых, даже забавных.

(25)Мы жили в санатории под Парижем. (26)Гуляли, ели, слушали радио, играли в бридж, сплетничали. (27)Настоящий больной был только один — злющий старик, поправлявшийся от тифа.

(28)Старик часто сидел на террасе в шезлонге, обложенный подушками, укутанный пледами, бледный, бородатый, всегда молчал и, если кто проходил мимо, отворачивался и закрывал глаза. (29)Вокруг старика, как трепетная птица, вилась его жена. (30)Женщина немолодая, сухая, лёгкая, с увядшим лицом и тревожно-счастливыми глазами. (31)И никогда она не сидела спокойно. (32)Всё что-то поправляла около своего больного. (33)То переворачивала газету, то взбивала подушку, то подтыкала плед, то бежала греть молоко, то капала лекарство. (34)Все эти услуги старик принимал с явным отвращением. (35)Каждое утро с газетой в руках она носилась от столика к столику, приветливо со всеми беседовала и спрашивала: — Вот, может быть, вы мне поможете? (36)Вот здесь кроссворд: «Что бывает в жилом доме?». (37)Четыре буквы. (38)Я записываю на бумажке, чтобы помочь Сергею Сергеевичу. (39)Он всегда решает кроссворды, и, если затрудняется, я ему прихожу на помощь. (40)Ведь это единственное его развлечение. (41)Больные ведь как дети. (42)Я так рада, что хоть это его забавляет.

(43)Её жалели и относились к ней с большой симпатией.

(44)И вот как-то он выполз на террасу раньше обычного. (45)Она долго усаживала его, укрывала пледами, подкладывала подушки. (46)Он морщился и сердито отталкивал её руку, если она не сразу угадывала его желания.

(47)Она, радостно поёживаясь, схватила газету. — (48)Вот, Серёженька, сегодня, кажется, очень интересный кроссворд.

(49)Он вдруг приподнял голову, выкатил злые жёлтые глаза и весь затрясся. — (50)Убирайся ты наконец к чёрту со своими идиотскими кроссвордами! — бешено зашипел он.

(51)Она побледнела и вся как-то опустилась. — (52)Но ведь ты же... — растерянно лепетала она. — (53)Ведь ты же всегда интересовался... — (54)Никогда я не интересовался! — всё трясся и шипел он, со звериным наслаждением глядя на её бледное, отчаянное лицо. — (55)Никогда! (56)Это ты лезла с упорством дегенератки, каковая ты и есть!

(57)Она ничего не ответила. (58)Она только с трудом проглотила воздух, крепко прижала руки к груди и огляделась кругом с такой болью и с таким отчаянием, точно искала помощи. (59)Но кто же может отнестись
серьёзно к такому смешному и глупому горю? (60)Только маленький мальчик, сидевший за соседним столиком и видевший эту сцену, вдруг зажмурился и горько-горько заплакал.

(по Н. А. Тэффи)*

* Надежда Александровна Тэффи (1872—1952) — русская писательница, поэтесса, мемуарист и переводчик.

2. Из предложений 5—10 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)Я знала замечательную писательницу. (2)Её звали Тамара Григорьевна Габбе. (3)Она сказала мне однажды:

– В жизни много испытаний. (4)Их не перечислишь. (5)Но вот три, они встречаются часто. (6)Первое – испытание нуждой. (7)Второе – благополучием, славой. (8)А третье испытание – страхом. (9)И не только тем страхом, который узнаёт человек на войне, а страхом, который настигает его в обычной, мирной жизни.

(10)Что же это за страх, который не грозит ни смертью, ни увечьем? (11)Не выдумка ли он? (12)Нет, не выдумка. (13)Страх многолик, иногда он поражает бесстрашных.

(14)«Удивительное дело, – писал поэт-декабрист Рылеев, – мы не страшимся умирать на полях битв, но слово боимся сказать в пользу справедливости».

(15)С тех пор как написаны эти слова, прошло много лет, но есть живучие болезни души.

(16)Человек прошёл войну как герой. (17)Он ходил в разведку, где каждый шаг грозил ему гибелью. (18)Он воевал в воздухе и под водой, он не бегал от опасности, бесстрашно шёл ей навстречу. (19)И вот война кончилась, человек вернулся домой. (20)К своей семье, к своей мирной работе. (21)Он работал так же хорошо, как и воевал: со страстью отдавая все силы, не жалея здоровья. (22)Но когда по навету клеветника сняли с работы его друга, человека, которого он знал, как себя, в невиновности которого он был убеждён, как в своей собственной, он не вступился. (23)Он, не боявшийся ни пуль, ни танков, испугался. (24)Он не страшился смерти на поле битвы, но побоялся сказать слово в пользу справедливости.

(25)Мальчишка разбил стекло.

– (26)Кто это сделал? – спрашивает учитель.

(27)Мальчишка молчит. (28)Он не боится слететь на лыжах с самой головокружительной горы. (29)Он не боится переплыть незнакомую реку, полную коварных воронок. (30)Но он боится сказать: «Стекло разбил я».

(31)Чего он боится? (32)Слетая с горы, он может свернуть себе шею. (33)Переплывая реку, может утонуть. (34)Слова «это сделал я» не грозят ему смертью. (35)Почему же он боится их произнести?

(36)Я слышала, как очень храбрый человек, прошедший войну, сказал однажды: «Бывало страшно, очень страшно».

(37)Он говорил правду: ему бывало страшно. (38)Но он умел преодолеть свой страх и делал то, что велел ему долг: он сражался.

(39)В мирной жизни, конечно, тоже может быть страшно.

(40)Я скажу правду, а меня за это исключат из школы... (41)Скажу правду – уволят с работы... (42)Уж лучше промолчу.

(43)Много пословиц есть на свете, которые оправдывают молчание, и, пожалуй, самая выразительная: «Моя хата с краю». (44)Но хат, которые были бы с краю, нет.

(45)Мы все в ответе за то, что делается вокруг нас. (46)В ответе за всё плохое и за всё хорошее. (47)И не надо думать, будто настоящее испытание приходит к человеку только в какие-то особые, роковые минуты: на войне, во время какой-нибудь катастрофы. (48)Нет, не только в исключительных обстоятельствах, не только в час смертельной опасности, под пулей испытывается человеческое мужество. (49)Оно испытывается постоянно, в самых обычных житейских делах.

(50)Мужество бывает одно. (51)Оно требует, чтобы человек умел преодолевать в себе обезьяну всегда: в бою, на улице, на собрании. (52)Ведь слово «мужество» не имеет множественного числа. (53)Оно в любых условиях одно.

(По Ф. А. Вигдоровой) *

* Фрида Абрамовна Вигдорова (1915–1965) – советская писательница, журналист.

3. Из предложений 44–47 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)Иногда к дяде Коле приходил в гости сельский аптекарь. (2)Звали этого аптекаря Лазарем Борисовичем. (3)С первого взгляда это был довольно странный аптекарь. (4)Он носил студенческую тужурку. (5)На его широком носу едва держалось пенсне на чёрной тесёмочке. (6)Аптекарь был низенький, коренастый и очень язвительный человек.

(7)Как-то я пошёл к Лазарю Борисовичу в аптеку за порошками для тёти Маруси. (8)У неё началась мигрень. (9)Растирая порошки для тёти Маруси, Лазарь Борисович разговаривал со мной.

– (10)Я знаю, – сказал Лазарь Борисович, – что молодость имеет свои права, особенно когда юноша окончил гимназию и собрался поступать в университет. (11)Тогда в голове карусель. (12)Вы приятный юноша, но вы не любите размышлять. (13)Я это давно заметил. (14)Так вот, будьте любезны, поразмышляйте о себе, о жизни, о своём месте в жизни, о том, что бы вы хотели сделать для людей!

– (15)Я буду писателем, – сказал я и покраснел.

– (16)Писателем? – Лазарь Борисович поправил пенсне и посмотрел на меня с грозным удивлением. – (17)Хо-хо? (18)Мало ли кто хочет быть писателем! (19)Может быть, я тоже хочу быть Львом Николаевичем Толстым.

– (20)Но я уже писал... и печатался.

– (21)Тогда, – решительно сказал Лазарь Борисович, – будьте любезны подождать! (22)Я отвешу порошки, провожу вас, и мы это выясним.

(23)Мы вышли и пошли через поле к реке, а оттуда к парку. (24)Солнце опускалось к лесам по ту сторону реки. (25)Лазарь Борисович срывал верхушки полыни, растирал их, нюхал пальцы и говорил.

– (26)Это большое дело, но оно требует настоящего знания жизни. (27)Так? (28)А у вас его очень мало, чтобы не сказать, что его нет совершенно. (29)Писатель! (30)Он должен так много знать, что даже страшно подумать. (31)Он должен всё понимать! (32)Он должен работать, как вол, и не гнаться за славой! (33)Да! (34)Вот. (35)Одно могу вам сказать: идите в хаты, на ярмарки, на фабрики, в ночлежки! (36)В театры, в больницы, в шахты и тюрьмы! (37)Так! (38)Бывайте всюду! (39)Чтобы жизнь пропитала вас! (40)Чтобы получился настоящий настой! (41)Тогда вы сможете отпускать его людям, как чудодейственный бальзам! (42)Но тоже в известных дозах. (43)Да!

(44)Он ещё долго говорил о призвании писателя. (45)Мы попрощались около парка.

– (46)Напрасно вы думаете, что я лоботряс, – сказал я.

– (47)Нет! – воскликнул Лазарь Борисович и схватил меня за руку. – (48)Я же рад! (49)Вы видите! (50)Но согласитесь, что я был немножко прав, и теперь вы кое о чём подумаете. (51)А?

(52)И аптекарь был прав. (53)Я понял, что почти ничего не знаю и ещё не думал о многих важных вещах. (54)И принял совет этого смешного человека и вскоре ушёл в люди, в ту житейскую школу, которую не заменят никакие книги и отвлечённые размышления.

(55)Я знал, что никогда и никому не поверю, кто бы мне ни сказал, что эта жизнь – с её любовью, стремлением к правде и счастью, с её зарницами и далёким шумом воды среди ночи – лишена смысла и разума. (56)Каждый из нас должен бороться за утверждение этой жизни всюду и всегда до конца своих дней.

(по *К. Г. Паустовскому**)

* Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) – русский советский писатель, классик отечественной литературы. Автор рассказов, повестей, романов, среди них – «Повесть о жизни», «Золотая роза», «Мещёрская сторона» и др.

4. Из предложений 1–6 выпишите фразеологизм.

(1)Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! (2)Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? (3)Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших
наслаждений…

(4)Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своём высоком креслице. (5)Уже поздно, давно выпил свою вечернюю чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. (6)Maman говорит с кем-нибудь, и звуки голоса её так сладки, так приветливы. (7)Одни звуки эти так много говорят моему сердцу!

(8)Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на её лицо, и вдруг она сделалась вся маленькая, маленькая – лицо её не больше пуговки.

(9)Но оно мне всё так же ясно видно: вижу, как она улыбнулась мне. (10)Мне нравится видеть её такой крошечной. (11)Я прищуриваю глаза ещё больше, и она делается ещё меньше. (12)Но я пошевелился – и очарование разрушилось. (13)Я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно. (14)Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

– (15)Ты опять заснёшь, Николенька, – говорит мне maman, – ты бы лучше шёл наверх.

– (16)Я не хочу спать, maman, – ответишь ей, и неясные, но сладкие грёзы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят.

(17)Чувствуешь, бывало, впросонках, что чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаёшь её и ещё во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмёшь её к губам.

(18)Все уже разошлись; одна свеча горит в гостиной; maman сказала, что сама разбудит меня. (19)Это она присела на кресло, на котором я сплю, своей чудесной нежной ручкой провела по моим волосам, и над ухом моим звучит милый знакомый голос: «Вставай, моя душечка: пора идти спать».

(20)Ничьи равнодушные взоры не стесняют её: она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. (21)Я не шевелюсь, но ещё крепче целую её руку.

– (22)Вставай же, мой ангел.

(23)Она другой рукой берёт меня за шею, и пальчики её быстро шевелятся и щекочут меня. (24)В комнате тихо, полутемно; мамаша сидит подле самого меня; я слышу её голос. (25)Всё это заставляет меня вскочить, обвить руками её шею, прижать голову к её груди. (26)Она ещё нежнее целует меня. (27)После этого, как, бывало, придёшь наверх и начнёшь укладываться в своем ваточном халатце, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Люблю папеньку и маменьку».

(28)Помню, завернёшься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отрадно; одни мечты гонят другие, но о чём они?

(29)Они неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастие. (30)Вспомнишь любимую фарфоровую игрушку – зайчика или собачку – уткнёшь её в угол пуховой подушки и любуешься, как хорошо,
тепло и уютно ей там лежать. (31)Ещё подумаешь о том, чтобы было счастие всем, чтобы все были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернёшься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, и уснёшь тихо, спокойно.

(32)Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? (33)Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная весёлость и беспредельная потребность любви – были единственными побуждениями в жизни?

(по Л. Н. Толстому)*

***Лев Николаевич Толстой** (1828–1910) – русский писатель, мыслитель, просветитель, почётный академик Петербургской академии наук.

5. Из предложения 31 выпишите синонимы (синонимическую пару).

(1)Капитан Сумсков бегло оглядел построившихся красноармейцев и, слегка волнуясь, сказал:
– Товарищи! (2)Получен приказ: занять оборону на высоте, находящейся за хутором, на скрещении дорог. (3)Оборонять высоту до подхода подкреплений. (4)Задача ясна? (5)За последние дни мы много потеряли, но сохранили знамя полка, надо сохранить и честь полка.

(6)Держаться будем до последнего!

(7)Пехотный полк выступил из хутора. (8)Звягинцев толкнул Николая локтем и, оживлённо блестя глазами, сказал:
– В бой идти со знаменем – это подходяще, а уж отступать с ним – просто не дай бог! (9)Как предполагаешь, устоим? (10)Николай решительно кивнул.
– (11)Надо устоять! (12)Около ветряной мельницы босой белоголовый мальчик лет семи, который пас гусей, подбежал поближе к дороге, остановился, чуть шевеля румяными губами, восхищённо рассматривая проходивших мимо красноармейцев. (13)А Николай пристально посмотрел на него и в изумлении широко раскрыл глаза: до чего же похож! (14)Такие же, как у старшего сынишки, широко поставленные голубые глаза, такие же льняные волосы… (15)Неуловимое сходство было и в чертах лица, и во всей небольшой плотно сбитой фигурке. (16)Где-то он теперь, его маленький, бесконечно родной Николенька Стрельцов? (17)Захотелось ещё раз взглянуть на мальчика, так разительно похожего на сына, но Николай сдержался: перед боем не нужны ему воспоминания, от которых размякает сердце. (18)И он вспомнит и подумает о своих осиротелых детишках не в последнюю минуту, а после того, как отбросят немцев от безымянной высоты. (19)А сейчас автоматчику Николаю Стрельцову надо плотнее сжать губы и постараться думать о чём-либо постороннем, так будет лучше… (20)Николай всё же не выдержал искушения, оглянулся: мальчик, пропустив колонну, всё ещё стоял у дороги, смотрел красноармейцам вслед и робко, прощально помахивал поднятой над головой загорелой ручонкой. (21)И снова, так же как и утром, неожиданно и больно сжалось у Николая сердце, а к горлу подкатил трепещущий горячий клубок. (22)Жара ещё не спала. (23)Солнце по-прежнему нещадно калило землю. (24)И вот наступили те предшествующие бою короткие и исполненные огромного внутреннего напряжения минуты, когда учащённо и глухо бьются сердца и каждый боец, как бы много ни было вокруг него товарищей, на миг чувствует ледяной холодок одиночества и острую, сосущую сердце тоску. (25)Танки повели с ходу пушечный огонь. (26)Снаряды ложились, не долетая высоты. (27)Первый танк остановился, не дойдя до группы терновых кустов, второй вспыхнул, повернул было обратно и стал, протянув к небу дегтярно-чёрный, чуть колеблющийся дымный факел. (28)На флангах загорелись ещё два танка. (29)Бойцы усилили огонь, стреляя по пытавшейся подняться пехоте противника, по щелям, по выскакивавшим из люков
горевших машин танкистам. (30)Придавленная пулемётным огнём, пехота противника несколько раз пыталась подняться и снова залегала. (31)Наконец она поднялась, короткими перебежками пошла на сближение, но в это время танки круто развернулись, двинулись назад, оставив на склоне шесть догорающих и подбитых машин.

(32)Откуда-то, словно из-под земли, Николай услышал глухой ликующий голос Звягинцева:
– Здорово мы их! (33)Пускай опять идут, мы их опять! (34)Николай зарядил порожние диски, попил немного противно тёплой воды из фляги, посмотрел на часы. (35)Ему казалось, что бой длился несколько минут, а на самом деле с начала атаки прошло больше получаса, заметно склонилось на запад солнце, и лучи его уже стали утрачивать недавнюю злую жгучесть.

(36)Ещё раз глотнув воды, Николай с сожалением отнял от пересохших губ фляжку, осторожно выглянул из окопа. (37)В ноздри его ударил тяжёлый запах горелого железа и бензина, смешанный с горьким, золистым духом жжёной травы. (38)Около ближайшего танка выгорала трава, по верхушкам ковыля метались мелкие, почти невидимые в дневном свете язычки пламени, на склоне дымились обугленные, тёмные остовы неподвижных танков. (39)Николай не услышал потрясшего землю, обвального грохота взрыва, не увидел тяжко вздыбившейся рядом с ним большой массы земли. (40)Сжатая, тугая волна горячего воздуха смахнула в окоп насыпь переднего бруствера, с силой откинула голову Николая. (41)Очнулся Николай, когда самолёты, с двух заходов ссыпав свой груз, давно уже удалились и немецкая пехота, начав третью по счёту атаку, приблизилась к линии обороны почти вплотную, готовясь к решающему броску. (42)Вокруг Николая гремел ожесточённый бой. (43)Из последних сил держались считаные бойцы полка; слабел их огонь: мало оставалось способных к защите людей; уже на левом фланге пошли в ход ручные гранаты; оставшиеся в живых уже готовились встречать немцев последним штыковым ударом. (44)Настигнув у самого оврага бежавших немцев, начали работать штыками Звягинцев и остальные, далеко отстав от устремившихся вперёд красноармейцев, тяжело припадая на раненую ногу, шёл сержант Любченко, держа в одной руке знамя, другой прижимая к боку выставленный вперёд автомат; выполз из разбитого снарядом окопа раненый капитан Сумсков…

(45)Опираясь на левую руку, капитан полз вниз с высоты, следом за своими бойцами. (46)Ни кровинки не было в его известково-белом лице, но он всё же двигался вперёд и, запрокидывая голову, кричал ребячески тонким, срывающимся голоском:
– Орёлики! (47)Родные мои, вперёд!.. (48)Дайте им жизни!

(*По М.А. Шолохову**)

*** Михаил Александрович Шолохов** (1906–1984) – русский советский писатель, киносценарист, журналист, военный корреспондент, лауреат Нобелевской премии по литературе.

6. Из предложений 34–35 выпишите один фразеологизм.

(1)Мой отец и исправник были поражены тем, что нам пришлось переночевать в доме Селивана, которого все в округе считали колдуном и разбойником и который, как мы думали, хотел нас убить и воспользоваться нашими вещами и деньгами...

(2)Кстати, о деньгах. (3)При упоминании о них тётушка сейчас же воскликнула:
– Ах, боже мой! (4)Да где же моя шкатулка?

(5)В самом деле, где же эта шкатулка и лежащие в ней тысячи? (6)Её, представьте себе, не было! (7)Да, да, её-то одной только и не было ни в комнатах между внесёнными вещами, ни в повозке — словом, нигде... (8)Шкатулка, очевидно, осталась там, на постоялом дворе, и теперь — в руках Селивана...
– (9)Я сейчас скачу, скачу туда... (10)Он, верно, уже скрылся куда- нибудь, но он от меня не уйдёт! — говорил исправник. – (11)Наше счастье, что все знают, что он вор, и все его не любят: его никто не станет скрывать...

(12)Но только исправник опоясался своей саблей, как вдруг в передней послышалось между бывшими там людьми необыкновенное движение, и через порог в залу, где все мы находились, тяжело дыша, вошёл Селиван с тётушкиной шкатулкой в руках.

(13)Все вскочили с мест и остановились как вкопанные.
– (14)Забыли, возьмите, — глухо произнёс Селиван.

(15)Более он ничего сказать не смог, потому что задыхался от непомерно скорой ходьбы и, должно быть, от сильного внутреннего волнения.

(16)Он поставил шкатулку на стол, а сам, никем не прошенный, сел на стул и опустил голову и руки.

(17)Шкатулка была в полной целости. (18)Тётушка сняла с шеи ключик, отперла её и воскликнула:
– Всё, всё как было!
– (19)Сохранно... — тихо молвил Селиван. – (20)Я всё бёг за вами... (21)Хотел догнать... (22)Простите, что сижу перед вами... (23)Задохнулся.

(24)Отец первый подошёл к нему, обнял его и поцеловал в голову.

(25)Селиван не трогался.

(26)Тётушка вынула из шкатулки две сотенные бумажки и стала давать их ему в руки.

(27)Селиван продолжал сидеть и смотреть, словно ничего не понимал.
– (28)Возьми то, что тебе дают, – сказал исправник.
– (29)За что? (30)Не надо!
– (31)За то, что ты честно сберёг и принёс забытые у тебя деньги.
– (32)А то как же? (33)Разве надо нечестно?
– (34)Ну, ты хороший человек... (35)Ты не подумал утаить чужое.
– (36)Утаить чужое!.. – (37)Селиван покачал головою. – (38)Мне не надо чужого.

(39)И он встал с места, чтобы идти назад к своему опороченному дворишку, но отец его не пустил. (40)Он взял его к себе в кабинет и заперся там с ним на ключ, а потом через час велел запрячь сани и отвезти его домой.

(41)Через день об этом происшествии знали в городе и в округе, а через два дня отец с тётушкою поехали в Кромы и, остановившись у Селивана, пили в его избе чай и оставили его жене тёплую шубу. (42)На обратном пути они опять заехали к нему и ещё привезли ему подарков: чаю, сахару и муки.

(43)Он брал всё вежливо, но неохотно и говорил:
– На что? (44)Ко мне теперь, вот уже три дня, всё стали люди заезжать... (45)Пошёл доход... (46)Щи варили... (47)Нас не боятся, как прежде боялись.

(48)Когда меня повезли после праздников в пансион, со мною опять была к Селивану посылка. (49)Я пил у него чай и всё смотрел ему в лицо и думал: «Какое у него прекрасное, доброе лицо! (50)Отчего же он мне и другим так долго казался пугалом?»

(51)Эта мысль преследовала меня и не оставляла в покое... (52)Ведь это тот же самый человек, который всем представлялся таким страшным, которого все считали колдуном и злодеем. (53)Отчего же он вдруг стал так хорош и приятен?

(54)В дальнейшие годы моей жизни я сблизился с Селиваном и имел счастье видеть, как он для всех сделался человеком любимым и почитаемым.

(*по Н.С. Лескову**)

*** Николай Семёнович Лесков** (1831–1895) — русский писатель, драматург, автор известных роман

ов, повестей и рассказов.

7. Из предложений 13–15 выпишите синонимы (синонимическую пару).

(1)Софья Ивановна была одной из тех редких немолодых женщин, рождённых для семейной жизни, которым судьба отказала в этом счастии и которые вследствие этого отказа весь тот запас любви, который так долго хранился, рос и креп в их сердце для детей и мужа, решаются вдруг изливать на некоторых избранных. (2)И запас этот у старых девушек такого рода бывает так неистощим, что, несмотря на то что избранных много, ещё остаётся много любви, которую они изливают на всех окружающих, на всех добрых и злых людей, которые только сталкиваются с ними в жизни.

(3)Есть три рода любви: любовь красивая, любовь самоотверженная и любовь деятельная.

(4)Я говорю про любовь к человеку, которая, смотря по большей или меньшей силе души, сосредоточивается на одном, на некоторых или изливается на многих. (5)Про любовь к матери, к отцу, к брату, к детям, к товарищу, к подруге, к соотечественнику, про любовь к человеку.

(6)Любовь красивая заключается в любви к красоте самого чувства и его выражения. (7)Люди, которые любят красивой любовью, очень мало заботятся о взаимности как об обстоятельстве, не имеющем никакого влияния на красоту и приятность чувства. (8)Они часто переменяют предметы своей любви, так как их главная цель состоит только в том, чтоб приятное чувство любви было постоянно возбуждаемо. (9)Для того чтобы поддержать в себе это приятное чувство, они постоянно в самых изящных выражениях говорят о своей любви как самому предмету, так и всем тем, кому даже и нет до этой любви никакого дела.

(10)Для людей, которые так любят, любимый предмет любезен настолько, насколько он возбуждает то приятное чувство, сознанием и выражением которого они наслаждаются.

(11)Второго рода любовь - любовь самоотверженная, она заключается в любви к процессу жертвования собой для любимого предмета, при этом не обращается внимание на то, хуже или лучше от этих жертв любимому предмету. (12)Люди, любящие так, никогда не верят взаимности. (13)Им всё равно, хорошо ли вы ели, хорошо ли спали, весело ли вам, здоровы ли вы, и они ничего не сделают, чтоб доставить вам эти удобства, ежели они в их власти. (14)Но стать под пулю, броситься в воду, в огонь, зачахнуть от любви - на это они всегда готовы, ежели только встретится случай.

(15)Кроме того, люди, склонные к любви самоотверженной, бывают всегда горды своею любовью, взыскательны, ревнивы, недоверчивы и, странно сказать, желают своим предметам опасностей, чтоб избавлять от них, несчастий, чтоб утешать, и даже пороков, чтоб исправлять от них.

(16)Третий род - любовь деятельная, она заключается в стремлении удовлетворять все нужды, все желания, прихоти, даже пороки любимого существа. (17)Люди, которые любят так, любят на всю жизнь. (18)Любовь их редко выражается словами, и если выражается, то не только не самодовольно, красиво, но и стыдливо, неловко, потому что они всегда боятся, что любят недостаточно. (19)Люди эти любят даже пороки любимого существа, потому что пороки эти дают им возможность удовлетворять ещё новые желания. (20)Они ищут взаимности, охотно даже обманывая себя, верят в неё и счастливы, если имеют её; но любят всё так же и не только желают счастия для любимого предмета, но всеми моральными и материальными, большими и мелкими средствами, которые находятся в их власти, постоянно стараются доставить его...

(21)И вот эта-то деятельная любовь к своему племяннику, племяннице, к сестре светилась в глазах, в каждом слове и движении Софьи Ивановны.

(22)Только годы спустя я оценил вполне Софью Ивановну, но и тогда мне пришёл в голову вопрос: почему Дмитрий, старавшийся понимать любовь совершенно иначе, чем обыкновенно молодые люди, и имевший всегда перед глазами милую, любящую Софью Ивановну, вдруг страстно полюбил непонятную Любовь Сергеевну и только допускал, что в его тётке есть тоже хорошие качества.

(По *Л. Н. Толстому**)

*** Лев Николаевич Толстой** (1828–1910) — один из величайших русских писателей и мыслителей.

8. Из предложений 11-15 выпишите слово со значением «требовательные, строгие».

(1)Осень в этом году стояла — вся напролёт — сухая и тёплая. (2)Берёзовые рощи долго не желтели. (3)Долго не увядала трава. (4)Только голубеющая дымка затягивала плёсы на Оке и отдалённые леса.

(5)Я плыл на лодке вниз по реке и вдруг услышал, как в небе кто-то начал осторожно переливать воду из звонкого стеклянного сосуда в другой такой же сосуд. (6)Вода булькала, позванивала, журчала. (7)Звуки эти заполняли всё пространство между рекой и небосводом. (8)Это курлыкали журавли.

(9)Я поднял голову. (10)Большие косяки журавлей тянулись один за другим прямо к югу. (11)Они уверенно и мерно шли на юг, где солнце играло трепещущим золотом в затонах Оки, летели в тёплую страну.

(12)Я бросил вёсла и долго смотрел на журавлей.

(13)За несколько дней до этой встречи с журавлями один журнал попросил меня написать статью о том, что такое «шедевр», и рассказать о каком-нибудь литературном шедевре. (14)Иначе говоря, о совершенном и безукоризненном произведении. (15)Я выбрал стихи Лермонтова.

(16)Сейчас на реке я подумал, что шедевры существуют не только в искусстве, но и в природе. (17)Разве не шедевр этот клик журавлей и их величавый перелёт по неизменным в течение многих тысячелетий воздушным дорогам?

(18)Да что говорить! (19)Каждый осенний лист был шедевром, тончайшим слитком из золота и бронзы, обрызганным киноварью и чернью. (20)Каждый лист был совершенным творением природы, произведением её таинственного искусства, недоступного нам, людям.

(21)Кроме стихотворных шедевров, Лермонтов оставил нам и прозаические, такие как «Герой нашего времени». (22)Они наполнены, как и стихи, жаром его души. (23)Он сетовал, что безнадёжно растратил этот жар в великой пустыне своего одиночества.

(24)Так он думал. (25)Но время показало, что он не бросил на ветер ни одной крупицы этого жара. (26)Многие поколения будут любить каждую строчку этого бесстрашного и в бою, и в поэзии некрасивого и насмешливого офицера.

(27)Один из верных признаков шедевров — они остаются жить в нас надолго, почти навсегда. (28)И мы сами обогащаем их, как бы додумываем вслед за поэтом, дописываем то, что не досказал он.

(29)Новые мысли, образы, чувства теснятся в голове. (30)Каждая строка стихов разгорается, подобно тому как с каждым днём сильнее бушуют осенним пламенем громады лесов за рекой.

(31)Очевидно, свойство истинного шедевра — делать и нас равноправными творцами вслед за его подлинным создателем.

(32)Распространено мнение, что шедевров немного. (33)Наоборот, мы окружены шедеврами. (34)Мы не сразу замечаем, как осветляют они нашу жизнь, какое непрерывное излучение из века в век исходит от них, рождает у нас высокие стремления и открывает нам величайшее хранилище сокровищ — нашу землю.

(35)Каждая встреча с любым шедевром — прорыв в блистающий мир человеческого гения. (36)Она вызывает изумление и радость.

(37)Шедевры! (38)Шедевры кисти и резца, мысли и воображения! (39)Шедевры поэзии!

(40)В каждом шедевре заключается то, что никогда не может примелькаться, — совершенство человеческого духа, сила человеческого чувства, моментальная отзывчивость на всё, что окружает нас и вовне, и в нашем внутреннем мире. (41)Жажда достигнуть всё более высоких пределов, жажда совершенства движет жизнь. (42)И рождает шедевры.

(43)Я пишу всё это осенней ночью. (44)Осени за окном не видно, она залита тьмой. (45)Но стоит выйти на крыльцо, как осень окружит тебя и начнёт настойчиво дышать в лицо холодноватою свежестью своих загадочных чёрных пространств, горьким запахом первого тонкого льда, сковавшего к ночи неподвижные воды, начнёт перешёптываться с последней листвой, облетающей непрерывно и днём и ночью. (46)И блеснёт неожиданным светом звезды, прорвавшейся сквозь ночные волнистые туманы.

(47)И всё это покажется вам великим шедевром природы, целебным подарком, напоминающим, что жизнь вокруг полна значения и смысла.

(По *К. Г. Паустовскому**)

*** Константин Георгиевич Паустовский (1892−1968) — известный русский советский писатель, классик отечественной литературы.**

9. Из предложений 32−34 выпишите слово, имеющее значение «исключительное по своим достоинствам произведение искусства».

(1)Принято считать, что литература человечества началась с древнего шумерского эпоса «Сказание о Гильгамеше». (2)Писалось это сочинение аж в третьем тысячелетии до нашей эры, и, следовательно, изящная словесность будет постарше египетских пирамид.

(3)С тех пор было написано великое множество книг, умных и дурацких, талантливых и не сказать чтобы отмеченных «искрой Божьей», которые (в том-то всё и дело) физически невозможно перечитать. (4)Спрашивается: а чего, собственно, ради скрипели перьями, может быть, миллионы людей, обременённых даром художественного слова, зачем они недосыпали-недоедали и мучились под пытками синтаксисом, если их сочинения обречены на безвестность, если книги, рождённой в ночной тиши, никогда не коснётся человеческая рука?

(5)С другой стороны, интересно: вот уже пять тысяч лет, как человечество не отстаёт от чтения, хотя у него хлопот, что называется, полон рот (тут тебе и бесконечные междоусобицы, и кризис неплатежей), а он всё почитывает на досуге, словно это, казалось бы, зряшное пристрастие злободневно. (6)Вроде бы и практического толка от этого занятия никакого: всё-таки книжку прочитать —это не то, что делянку под картошку вскопать или починить в доме электропроводку, вроде бы и без того жизнь коротка, как заячий хвост, и глаза портить не годится, и основные вопросы бытия давно закрыты, а людей всё тянет к печатному слову, точно в нём заключена какая-то великая благодать…

(7)Что до первого пункта, то ответ на него таков: люди, обременённые даром художественного слова, пишут потому, что есть такая болезнь —писатель и этот страдалец не может не сочинять. (8)Болезнь эта весьма распространённая, особенно у нас, в России, где писатель двести лет стоял наравне с апостолами, а теперь перешёл на положение городского дурачка, бездельника и недотёпы, который не умеет даже электричество починить.

(9)Другое дело, что бывает писатель, имеющий что сказать городу и миру. (10)А бывает писатель, который только и может, что в письменном виде поделиться с публикой своими наблюдениями над вечерней зарёй, характерами современников, а то и расцветкой бабочки махаона. (11)Но при этом ни того ни другого нимало не интересует, прочитают ли их писанину или не прочитают, признает публика искромётный талант творца или не признает, и даже им неважно, выйдет рукопись в свет или навеки упокоится в ящике письменного стола.

(12)По второму пункту: люди вот уже пять тысяч лет читают книги по той причине, что им от Бога вышло такое внушение – раз своего ума мало, если ты бесчувствен, как сапог, то потрудись освоить хотя бы часть корпуса великой литературы, чтобы приобщиться к великому знанию о жизни и о себе. (13)И ведь действительно: с мудрым автором связаться через печатное слово —это совсем не то, что выяснить по сотовому телефону у Саши или у Маши, что они кушали на обед; это совсем не то, что выслушать от матери нагоняй за бестолковость и нерадение.

(14)Исключительно по той причине, что большой писатель представляет собой феномен, что он есть высший подвид человека разумного, наделённого способностью мыслить и чувствовать, как никто, его сочинения непременно следует прочитать. (15)Лев Толстой нас вдохновит своим озарением: «Мне говорят, я несвободен, а я взял и поднял правую руку». (16)Чехов насторожит категорическим императивом: «В человеке всё должно быть прекрасно…» (17)В свою очередь, Достоевский нам сообщит: «Широк, слишком широк русский человек, я бы сузил» и «Красотою спасётся мир».

(18)Следовательно, люди испокон веков тянутся к дельной книге по той причине, что испытывают потребность в общении с самыми светлыми умами, и удовлетворить её не могут ни домашние, ни приятели, ни газеты. (19)Откуда взялась эта потребность, точно сказать нельзя, но можно предположить: таковая заключена в самой природе человека как пожизненного слушателя Высших курсов, как мыслителя и творца. (20)Словом, скорее всего прав поэт Бродский: «Человек —это то, что он читает». (21)По крайней мере, человек —это не так просто, как полагают материалисты, и мыслящие особи должны быть постоянно настороже.

(По В.А. Пьецуху*)

*** Вячеслав Алексеевич Пьецух**(род. в 1946 г.) —советский и российский писатель.

10. Из предложения 5 выпишите один фразеологизм.

(1)Вы не раз, вероятно, читали и слышали о массовом героизме в Красной Армии. (2)Это истина, это святые слова. (3)Но знайте: массового героизма не бывает, если нет вожака, если нет того, кто идёт первым. (4)Нелегко поднять людей в атаку, и никто не поднимется, если нет первого, если не встанет один, не пойдёт впереди, увлекая всех.

(5)Бурнашев поднялся, оторвав себя от земли, исполняя приказ – не только мой, но вместе с тем приказ Родины сыну, – Бурнашев прокричал во всё поле:

– За Родину! (6)Вперёд!

(7)И вдруг голос прервался; будто споткнувшись о натянутую под ногами проволоку, Бурнашев с разбегу, с размаху упал. (8)Показалось: он сейчас вскочит, побежит дальше, и все, вынося перед собой штыки, побегут на врага вместе с ними. (9)Но он лежал, раскинув руки, лежал, не поднимаясь. (10)Все смотрели на него, на распластанного в снегу лейтенанта, подкошенного с первых шагов, все чего-то ждали.

(11)Опять прошла напряжённая секунда. (12)Цепь не поднялась.

(13)Снова кто-то вскочил, и в пулемётной трескотне взмыли над полем те же слова, тот же призыв. (14)Голос был неестественно высокий, по узенькой малорослой фигуре все узнали красноармейца Букеева. (15)Однако и он, едва ринувшись вперёд, рухнул.

(16)У меня напружинилось тело, пальцы сгребли снег. (17)Опять истекла секунда. (18)Цепь не поднялась.

(19)Наши товарищи, сорок–пятьдесят красноармейцев, сумевшие выбрать момент для удара в спину врага, приближались к немцам с другой стороны, которые и там уже открыли пальбу, а мы лежали, по-прежнему пришитые к земле, лежали, обрекая на погибель горстку братьев-смельчаков.

(20)Каждый из нас, как и я, напружинился, каждый стремился рвануться, вскочить, и никто не вскакивал.

(21)Да что же это? (22)Неужели мы так и пролежим, так и окажемся трусами, предателями братьев? (23)Неужели не найдётся никого, кто в третий раз стремительно двинулся бы вперёд, увлекая роту?

(24)И я вдруг ощутил, что взгляды всех устремлены на меня, ощутил, что ко мне, к старшему командиру, к комбату, словно к центральной точке боя, притянуто обострённое внимание: все, чудилось, ждали, что скажет, как поступит комбат. (25)И, отчётливо сознавая, что совершаю безумие, я рванулся вперёд, чтобы подать заразительный пример.

(26)Но меня тотчас с силой схватил за плечи, вдавил в снег старший политрук Толстунов:

– Не дури, не смей, комбат!

(27)Его приятно-грубоватое лицо в один миг переменилось: лицевые мышцы напряглись, окаменели. (28)Он оттолкнулся, чтобы резким движением встать, но теперь я схватил его за руку.

(29)Командиру надобно знать, что в бою каждое его слово, движение, выражение лица улавливается всеми, действует на всех; надобно знать, что управление боем есть не только управление огнём или передвижениями солдат, но и управление психикой. (30)Конечно, не дело комбата водить роту врукопашную. (31)Я вспомнил всё, чему мы обучались, вспомнил завет Панфилова: «Нельзя воевать грудью пехоты... (32)Береги солдата. (33)Береги действием, огнём...»

(34)Я крикнул:

– Частый огонь по пулемётчикам! (35)Прижмите их к земле!

(36)Бойцы поняли. (37)Теперь наши пули засвистали над головами стреляющих немцев.

(38)Ага, немецкие пулемётчики исчезли, пропали за щитками. (39)Ага, кого-то мы там подстрелили. (40)Один пулемёт запнулся, перестало выскакивать длинное острое пламя. (41)Я ловил момент, чтобы скомандовать. (42)Но не успел.

(43)Над цепью разнёсся яростный крик Толстунова:

– За Родину! (44)Ура-а-а!

(45)Мы увидели: Толстунов поднялся вместе с пулемётом и побежал, уперев приклад в грудь, стреляя и крича на бегу. (46)Голос Толстунова пропал в рёве других голосов. (47)Бойцы вскакивали.

(48)С криком они рванулись на врага, они обгоняли Толстунова. (49)Выпустив патроны, Толстунов взялся за горячий ствол пулемёта и поднял над собой тяжёлый приклад, как дубину.

(50)Немцы не приняли нашего вызова на рукопашный бой, не приняли штыкового удара, их боевой порядок смешался, они бежали от нас. (51)Преследуя врага, мы – наша вторая рота и взвод бойцов, начавший нападением с тыла эту славную контратаку, – мы с разных сторон ворвались в село Новлянское.

(По А.А. Беку*)

*** Александр Альфредович Бек (1902−1972)** —русский советский писатель.

11. Из предложений 34−41 выпишите синонимы.

(1)С детства, со школьной скамьи человек привыкает к сочетанию слов «любовь к родине». (2)Осознаёт он эту любовь гораздо позже, а разобраться в сложном чувстве любви к родине, то есть что именно и за что он любит, дано уже в зрелом возрасте.

(3)Чувство это действительно сложное. (4)Тут и родная культура, и родная история, всё прошлое и всё будущее народа, всё, что народ успел совершить на протяжении своей истории и что ему совершить ещё предстоит. (5)На одном из первых мест в сложном чувстве любви к родине находится любовь к родной природе.

(6)Для человека, родившегося в горах, ничего не может быть милее скал и горных потоков, белоснежных вершин и крутых склонов. (7)Казалось бы, что любить в тундре? (8)Однообразная заболоченная земля с бесчисленными стёклышками озёр, поросшая лишайниками, однако ненец-оленевод не променяет свою тундру ни на какие там южные красоты. (9)Одним словом, кому мила степь, кому - горы, кому - морское, пропахшее рыбой побережье, а кому - родная среднерусская природа, тихие красавицы реки с жёлтыми кувшинками и белыми лилиями, доброе, тихое солнышко маленького города... (10)И чтобы жаворонок пел над полем ржи, и чтобы скворечник — на берёзе перед крыльцом.

(11)Было бы бессмысленно перечислять все приметы русской природы. (12)Но из тысяч примет и признаков складывается то общее, что мы зовём нашей родной природой и что мы, любя, быть может, и море, и горы, любим всё же сильнее, чем что-либо иное на всём белом свете.

(13)Всё это так. (14)Но нужно сказать, что это чувство любви к родной природе в нас не стихийно, оно не только возникло само собой, поскольку мы родились и выросли среди природы, но и воспитано в нас литературой, живописью, музыкой, теми великими учителями нашими, которые жили прежде нас, тоже любили родную землю и передали свою любовь нам, потомкам. (15)Разве не помним мы с детства наизусть лучшие строки о природе Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Алексея Толстого, Тютчева, Фета? (16)Разве оставляют нас равнодушными, разве не учат ничему описания природы у Тургенева, Аксакова, Льва Толстого, Пришвина, Леонова, Паустовского?.. (17)А живопись? (18)Шишкин и Левитан, Поленов и Саврасов, Нестеров и Пластов — разве они не учили и не учат нас любить родную природу?

(19)В ряду этих славных учителей занимает достойное место имя замечательного русского писателя Ивана Сергеевича Соколова-Микитова. (20)Иван Сергеевич прожил долгую и богатую жизнь. (21)Он был моряком, путешественником, охотником, этнографом. (22)Но, главное, он был талантливым и ярким писателем. (23)Последние двадцать лет жизни Соколова-Микитова были связаны с Карачаровом на Волге, где у Ивана Сергеевича в ста шагах от воды, на краю леса был простой бревенчатый домик. (24)Широкая гладь воды, перелески и деревеньки на том берегу, обилие цветов, лесных птиц, грибов — всё это ещё больше сближало писателя с родной природой. (25)Из охотника, как это часто бывает с людьми под старость, он превратился во внимательного наблюдателя, и не только потому, что, скажем, ослабло зрение или рука, но и потому, что проснулось в душе бережное, любовное, воистину сыновнее отношение к русской природе. (26)В эти годы Иван Сергеевич пишет лучшие свои страницы о родной русской природе, о деревьях и птицах, о цветах и зверях.

(27)Добрый и мудрый человек учит нас тому, что природа есть наше не только материальное, но и духовное богатство, знание природы и любовь к ней воспитывают чувство патриотизма, чувство человечности, доброты, развивают чувство прекрасного. (28)Поколения русских людей будут учиться этому у Ивана Сергеевича Соколова-Микитова, как они учатся у Тургенева и Аксакова, у Некрасова и Пришвина, у Паустовского и Леонова.

(По В. А. Солоухину*)

***Владимир Алексеевич Солоухин(1924–1997)** — русский советский писатель и поэт, яркий представитель «деревенской прозы».

12. Из предложений 12–14 выпишите один фразеологизм.

(1)Лишь совсем недавно человек узнал, что Земля — это шар. (2)Думали, стоит Земля на трёх слонах, а ночью звёздный мир её укрывает. (3)Теперь вокруг шара человек пролетает менее чем за два часа. (4)Землю можно увидеть со стороны. (5)Вот снимок, сделанный из космоса. (6)Да, Земля — это шар, на нём видны материки, моря, облака, восходы и заходы Солнца. (7)Подробности земной жизни издалека не видны, но они есть, их много…

(8)Два десятка лет назад американцы провели опрос учёных: что дали человечеству полёты в космос? (9)Много было интересного в ответах. (10)Мне запомнился этот: «Во Вселенной мы одни, и непохоже, что где-нибудь нас ждут. (11)Надо беречь свой дом — родную Землю». (12)Хороший ответ.

(13)Сегодня с высоты своих знаний человек может сказать: «Замечательная нам досталась планета». (14)В самом деле, есть на планете вода, без которой жизнь была бы невозможной. (15)Близость Солнца даёт не иссякающее от времени тепло. (16)Вращение Земли обеспечивает чередование дней и ночей на планете, смену времён года. (17)Зелёные растения наполняют атмосферу кислородом. (18)Они накапливают углерод и выделяют в верхние слои атмосферы животворный кислород и озон, прикрывающий всё живое от губительных лучей Солнца.

(19)Конечно, зародившейся жизни миллионы лет приходилось приспосабливаться к изначальным условиям на планете. (20)Живые организмы уступали место на Земле более совершенным. (21)От многих животных уцелели лишь кости. (22)Но некоторые виды дожили до наших времён. (23)Живут в океанской воде на грани истребления человеком громадные киты, самые большие существа, когда-либо жившие на Земле. (24)Самые маленькие из млекопитающих — мышь-малютка и землеройка, весящая всего два грамма.

(25)Между китами и мышами огромное число животных, которым Земля стала родным домом. (26)И во главе всего сущего стоит человек. (27)Он часто решает, кому жить, а кому в жизни должно быть отказано.

(28)Миллионы лет отбирала Природа животных, определяя места, где они могут жить, где могут кормиться. (29)Человек давно изучил эти места и первым тянется к добыче, разрушает среду, в которой животным комфортно. (30)Так разрушаются основы нашего общего Дома.

(31)Многие животные исчезли или стали исключительно редкими. (32)Уже давно мы не видим пролетающих журавлей, мало кто слышит токующих глухарей, крик перепёлок. (33)И так везде на Земле. (34)Двести лет назад американцы варварски истребили миллионы бизонов, а в середине прошлого века химия выкосила в Америке культовую птицу — белоголового орлана. (35)В Африке на больших пространствах уничтожили тысячи носорогов: нужна была земля для посевов зерна. (36)Растут площади жарких пустынь и пустошей, истощаются плодородные земли, высыхают озёра, исчезают на равнинах малые реки.

(37)Вот что имел в виду учёный, ответивший на вопрос о космосе. (38)Планету Земля нам надо беречь. (39)Никто не ждёт высадки землян на другие планеты. (40)А Земля по-прежнему нас кормит, даёт нам дышать, снабжает водой, теплом и радостью жизни, идущей от наших соседей: зверей, птиц, рыб, насекомых, образующих сложный узор жизни.

(41)Вот как выглядит Земля, если взглянуть на неё со стороны. (42)Очертания материков. (43)Следы деятельности вулканов. (44)Огни больших городов и маленьких деревень. (45)Озёра на суше и острова в океане. (46)Текут по Земле большие реки, струнами вытянуты дороги. (47)Земля, изрытая шахтами и лисьими норами. (48)Земля со следами зверей, хлебными полями и кудрями лесов… (49)Такой общий наш Дом.

(По В. М. Пескову)*

* **Василий Михайлович Песков** (1930–2013) — советский и российский писатель, журналист и фотокорреспондент.

13. Из предложений 31−36 выпишите слово со значением «бессмысленно жестоко, грубо, бесчеловечно».

(1)Родина, место где я родился и вырос... (2)Всю жизнь свою несу её в душе, люблю её, жив ею, она придаёт мне силы, когда случается трудно... (3)Непросто понять, но как где скажут «Алтай», так вздрогнешь, сердце лизнёт до боли мгновенное горячее чувство. (4)Дороже у меня ничего нет.

(5)Когда я хочу точно представить, что же особенно прочно запомнил из той жизни, которую прожил на родине в те свои годы, когда память наша особенно цепкая, обладает способностью долго удерживать то, что её поразило, могу сказать: я запомнил образ русского крестьянства, нравственный уклад этой жизни, больше того, у меня с годами окрепло убеждение, что он, этот уклад, прекрасен, начиная с языка, с жилья.

(6)В доме деда была непринуждённость, была свобода полная. (7)Я хочу быть правдивым перед собой до конца, поэтому повторяю: нигде больше не видел такой ясной, простой, законченной целесообразности, как в жилище деда-крестьянина, таких естественных, правдивых, добрых, в сущности, отношений между людьми. (8)Я помню, что там говорили правильным, свободным, правдивым языком, сильным, точным, там жила шутка, песня по праздникам, там много, очень много работали...

(9)Собственно, вокруг работы и вращалась вся жизнь. (10)Она начиналась рано утром и затихала поздно вечером, но она как-то не угнетала людей, не озлобляла — с ней засыпали, с ней просыпались. (11)Никто не хвастался сделанным, никого не оскорбляли за промах, но — учили... (12)Думаю, что от такого устройства мира и самоощущения в нём очень близко к самым высоким понятиям о чести, достоинстве и прочим мерилам нравственного роста человека. (13)Неужели в том только и беда, что слов этих «честь», «достоинство» там не знали? (14)Но там знали всё, чем жив и крепок человек и чем он нищий: ложь есть ложь, корысть есть корысть, праздность и суесловие...

(15)Ни в чём там не заблуждались: больше того, мало-мальски заметные недостатки в человеке, ещё в маленьком, губились на корню. (16)Если в человечке обнаруживалась склонность к лени, то она никак не выгораживалась, не объяснялась никакими редкими способностями ребенка — она была просто ленью, потому высмеивалась, истреблялась. (17)Зазнайство, хитрость, завистливость — всё было на виду в людях, никак нельзя было спрятаться ни за слово, ни за фокусы. (18)Я не стремлюсь здесь кого-то обмануть или себя, например, обмануть: нарисовать зачем-то картину жизни идеальной; нет, она, конечно, была далеко не идеальная, но коренное русло жизни всегда оставалось — это правда, справедливость. (19)И даже очень и очень развитое чувство, здесь нет сомнений. (20)Только с чувством правды и справедливости люди живут значительно. (21)Этот кровный закон — следование правде — вселяет в человека уверенность и ценность его пребывания здесь.

(22)Родина... (23)Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда. (24)Может быть, мне это нужно, чтобы постоянно ощущать в себе житейский «запас прочности» всегда есть куда вернуться, если станет невмоготу. (25)И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. (26)Видно, та жизнеспособность, та стойкость духа, какую принесли туда наши предки, живёт там с людьми и поныне, и не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу.

(27)Родина...(28)Почему же живёт в сердце мысль, что когда-то я останусь там навсегда. (29)Может, потому, что она и живёт постоянно в сердце, и образ её светлый погаснет со мной вместе. (30)Видно, так. (31)Благослови тебя, моя родина, труд и разум человеческий! (32)Будь счастлива! (33)Будешь ты счастлива, и я буду счастлив.

(По В. М. Шукшину)*

* *Василий Макарович Шукшин* (1929−1974) — советский писатель, сценарист, актёр, кинорежиссёр.

14. Из предложений 1−5 выпишите синонимы (синонимическую пару).

(1)Вот и кончился последний урок последнего дня нашей школьной жизни. (2)Десять школьных лет завершились по знакомой хрипловатой трели звонка. (3)Все мы, растроганные, взволнованные, радостные и о чём-то жалеющие, растерянные и смущённые своим мгновенным превращением из школяров во взрослых людей, слонялись по классам и коридору, словно страшась выйти из школьных стен в мир, ставший бесконечным. (4)И было такое чувство, будто что-то недоговорено, недожито, не исчерпано за прошедшие десять лет, будто этот день застал нас врасплох.

(5)В класс заглянула Женя Румянцева:

— Серёжа, можно тебя на минутку? (6)У меня странное предложение! (7)Давай встретимся через десять лет!

(8)Шутливость совсем не была свойственна Жене, и я спросил серьёзно:

— Зачем?

— (9)Мне интересно, каким ты станешь. (10)Ты ведь очень нравился мне все эти годы. (11)Я думал, что Жене Румянцевой неведомы ни эти слова, ни эти чувства. (12)Жизнь её протекала в двух сферах: в напряжённой общественной работе и в мечтаниях о звёздных мирах. (13)Немногие из нас твёрдо определили свой дальнейший жизненный путь, а Женя с шестого класса знала, что будет астрономом и никем другим. (14)Между нами никогда не было дружеской близости. (15)В поисках разгадки я мысленно пробегал прошлое, но ничего не нашёл в нём, кроме одной встречи на Чистых прудах…

(16)Однажды мы собирались в выходной день на Химкинское водохранилище покататься на лодках. (17)Но с утра заморосил дождь, и на сборный пункт пришли только мы с Павликом, Нина и Женя Румянцева. (18)Дождь не переставал ни на минуту. (19)Нечего было и думать о Химках.

— (20)Давайте покатаемся на пруду, — предложил я и показал на старую, рассохшуюся лодку-плоскодонку. — (21)Будем воображать, что мы в Химках.

— (22)Или в Средиземном море, — вставил Павлик.

— (23)Или в Индийском океане, — восторженно подхватила Женя.

(24)Мы вычерпали из лодки воду и отправились в «кругосветное» плавание. (25)Женя придумывала маршрут нашего путешествия. (26)Вот мы проходим Босфор, через Суэцкий канал попадаем в Красное море, оттуда в Аравийское и входим в Тихий океан. (27)Женя неутомимо командовала: «Право руля!», «Лево руля!», «Поднять паруса!», «Убрать паруса!» (28)Отыскивала путь по звёздам: наш компас разбился во время бури.

(29)Больше Женя не бывала с нами. (30)Мы не раз приглашали её на наши сборища, но она отказывалась. (31)А что если в тот единственный раз она пришла из-за меня и из-за меня отступилась, сказав себе с гордой честностью: не вышло…

— (32)Почему же ты раньше молчала, Женя? — спросил я. (33)К чему было говорить? (34)Тебе так нравилась Нина!

(35)С ощущением какой-то досадной и грустной утраты я сказал:

— Где же и когда мы встретимся?

— (36)Через десять лет, двадцать девятого мая, в восемь часов вечера, в среднем пролёте между колонн Большого театра.

(37)Минули годы. (38)Женя училась в Ленинграде. (39)Зимой 1941 года, жадно ловя известия о судьбе моих друзей, я узнал, что Женя в первый же день войны бросила институт и пошла в лётную школу. (40)Летом 1944 года я услышал по радио указ о присвоении майору авиации Румянцевой звания Героя Советского Союза. (41)Вернувшись с войны, я узнал, что звание Героя было присвоено Жене посмертно.

(42)Жизнь шла дальше, порой я вдруг вспоминал о нашем уговоре, а за несколько дней до срока почувствовал такое острое, щемящее беспокойство, будто все прошедшие годы только и готовился к этой встрече. (43)Я поехал к Большому театру, купил у цветочницы ландыши и пошёл к среднему пролёту между колонн Большого театра. (44)Я постоял там немного, затем отдал ландыши какой-то худенькой сероглазой девушке и поехал домой…

(45)Мне хотелось на миг остановить время, оглянуться на себя, на прожитые годы, вспомнить Женю, лодку, дождик, вспомнить слепоту своей юношеской души, так легко прошедшей мимо того, что могло бы стать судьбой.

(По Ю. М. Нагибину)*

*** Юрий Маркович Нагибин** (1920−1994) — русский советский писатель-прозаик, журналист и сценарист.

15. Подберите один синоним к слову **врасплох** (предложение 4). Запишите этот синоним.

Прочитайте текст и выполните задание.

(1)Два образа не покидают человека всю жизнь: первая любовь и первый учитель.

(2)Я окончил элитную школу, располагавшуюся в престижном районе на западе Москвы. (3)Сейчас такие слова и произносить-то гадко, хочется как-то от них отстраниться, хотя бы закавычить. (4)Тогда, 35 лет назад, они несли несколько другой смысл. (5)У истоков нашего совсем ещё юного в ту пору заведения стоял академик А. Н. Колмогоров. (6)Отбирали туда на жёсткой, многоступенчатой конкурсной основе старшеклассников со всей России, в том числе из самых дальних и глухих мест, и критерий был один: исключительные способности к физике и математике. (7)Колмогоров сам читал лекции; помню его в белой рубашке с протёртыми воротничком и манжетами, выписывающим на доске и комментирующим загадочные формулы, — от формул тех в голове уже ни следа, а образ свеж, как будто это было вчера; помню общие с ним лыжные прогулки всем классом по кунцевским рощам, его рассказы по вечерам в читальном зале — о музыке, живописи, архитектурных шедеврах Европы… (8)Вместе с ним преподавали его сподвижники и ученики, профессора и аспиранты из МГУ, Физтеха и других лучших вузов страны. (9)В эти-то вузы и лежала у питомцев школы дорога.

(10)А литературу вёл у нас человек, ради которого я и начал свой рассказ.

(11)Юрий Викторович Подлипчук школьных учебников не признавал. (12)Учились мы по конспектам его вдохновенных лекций, которые торопливо записывали неумелой рукой (всё-таки не студенты, девятый класс). (13)Ещё считалось важным знать тексты, то есть собственно литературу (при этом Достоевский, например, требовался почти весь, вплоть до «Братьев Карамазовых»). (14)Сейчас уже не вспомнить всего, что он говорил и как объяснял, какие имена попутно всплывали. (15)Его эрудиция и начитанность были феноменальны. (16)С моим тогдашним багажом (могу судить только о себе) я, скорей всего, воспринимал лишь сотую, меньше — тысячную долю сказанного! (17)Читал в детстве, как и многие в нашем классе, много, запоем, но без разбора и ничего не классифицируя. (18)Но после его уроков стали читать ещё больше, бегали записываться в Ленинскую библиотеку, чтобы в очередь прочесть единственный, наверное,
доступный в ту пору экземпляр «Парижских тайн» Эжена Сю — истёртые и пожелтевшие томики разруганного когда-то Белинским авантюрного сочинения, выпущенные чуть ли ещё не при жизни великого критика.

(19)Недавно тогда опубликованный в журнале роман Булгакова «Мастер и Маргарита» учитель сам читал нам вслух после уроков. (20)Пропущенная цензурой вещь сразу попала в число полузапретных. (21)Смешно об этом вспоминать сегодня, но кто-то из коллег преподавателей на наших глазах настоятельно отговаривал Юрия Викторовича от публичного чтения. (22)«Пуганая ворона куста боится!» — был ответ.

(23)Слушать его голос — это был отдельный труд души и наслаждение. (24)Но настоящим праздником становились встречи в актовом зале, обычно накануне выходного, когда Юрий Викторович поднимался на кафедру и допоздна читал стихи. (25)За минувшее с той поры время я слышал немало профессиональных чтецов, в том числе известных и титулованных, но по силе воздействия никого не поставлю даже близко. (26)До сих пор не могу постичь, в чём была магия этого сухощавого близорукого человека в сильных очках-линзах. (27)Он был добр и серьёзен, ироничен и строг, силён и снисходителен. (28)Что читал? (29)Разное, например, всеми забытого Василия Курочкина.

(30)Да кто ж вложил учителю в те годы «жало мудрыя змеи», какой провидческий опыт позволил ему заглянуть через десятилетия, какой нечеловеческой интуицией питались модуляции проникновенного голоса и лукавый блеск глаз из-под очков? (31)А ещё ближе ложился, ещё острее ранил души подростков безысходно-печальный Есенин.

(32)Когда я вспоминаю лучшие — по-современному, «звёздные» — минуты своей жизни, первой в голову приходит такая картина: высокие окна школьного зала на четвёртом этаже распахнуты в московскую ночь, вдали за деревьями мерцают одинокие огни, весенний ветерок наносит свежесть, Юрий Викторович со сцены читает Есенина, я гляжу на сидящую впереди меня прекрасную девочку, которая вся обратилась в слух и, конечно, не подозревает о моём существовании, и по щекам моим ручьём текут горячие слёзы.

(33)Так хорошо, что быть выше и счастливее, кажется, просто невозможно.

(По С. А. Яковлеву)*

* *Сергей Ананьевич Яковлев* (род. в 1952 г.) — советский и российский писатель, публицист, редактор.

16. Из предложений 32−33 выпишите один фразеологизм.

(1)И вот опять родные места встретили меня сдержанным шёпотом ольшаника. (2)Вдали показались ветхие крыши старой моей деревни, вот и дом с потрескавшимися углами. (3)По этим углам залезал я когда-то под крышу, неутомимый в своём стремлении к высоте, и смотрел на синие зубчатые леса, прятал в щелях витых кряжей нехитрые мальчишеские богатства.

(4)Из этой сосновой крепости, из этих удивительных ворот уходил я когда-то в большой и грозный мир, наивно поклявшись никогда не возвращаться, но чем дальше и быстрей уходил, тем яростней тянуло меня обратно.

(5)Старый дом наш заколочен. (6)Я ставлю поклажу на крыльцо соседки и ступаю в солнечное поле, размышляя о прошлом. (7)Детство вписалось в мою жизнь далёким нервным маревом, раскрасило будущее яркими мечтательными мазками. (8)В тот день, когда я уходил из дому, так же, как и сегодня, вызванивали полевые кузнечики, так же лениво парил надо мной ястреб, и только сердце было молодым и не верящим в обратную дорогу.

(9)И вот опять уводит меня в лесную чащобу узкая тропинка, и снова слушаю я шум летнего леса. (10)Снова торжественно и мудро шумит надо мной старинный хвойный бор, и нет ему до меня никакого дела. (11)И над бором висит в синеве солнце. (12)Оно щедро, стремительно и бесшумно сыплет в лохматую прохладу мхов свои золотые брызги, а над мхами, словно сморённые за пряжей старухи, дремлют смолистые ели. (13)Они глухо шепчут порой, как будто возмущаясь щедростью солнца, а может быть, собственным долголетием. (14)Под елями древний запах папоротника. (15)Я иду чёрной лошадиной тропой, на лицо липнут невидимые нити паутины, с детским беззащитным писком вьются передо мной комары, хотя кусают они совсем не по-детски. (16)Мой взгляд останавливается на красных, в белых крапинках, шапках мухоморов. (17)Потом вижу, как дятел, опершись на растопыренный хвост, колотит своим неутомимым носом сухую древесину. (18)В лицо мне хлещут ветки крушины, и вот уже я на сухом месте, и нога едет на скользких иглах. (19)Загудел в соснах ветер, и сосны отозвались беззащитным ропотом. (20)Мне кажется, что в их кронах вздыхает огромный богатырь-тугодум, который с наивностью младенца копит свою мощь не себе, а другим. (21)Под это добродушное дыхание, словно из древних веков, нечёткой белопарусной армадой выплывают облачные фрегаты.

(22)Мне кажется, что я слышу, как растёт на полях трава, я ощущаю каждую травинку, с маху сдёргиваю сапоги и босиком выбегаю на рыжий песчаный берег, снова стою над рекой и бросаю лесные шишки в синюю тугую воду, в эту прохладную русалочью постель, и смотрю, как расходятся и умирают водяные круги.

(23)Я сажусь у тёплого стога возле берёз, и мне чудится в их шелесте укор вечных свидетельниц человеческого горя и радости. (24)Веками роднились с нами эти деревья, дарили нашим предкам скрипучие лапти и жаркую, бездымную лучину, растили пахучие веники, розги, полозья, копили певучесть для пастушьих рожков.

(25)Я выхожу на зелёный откос и гляжу туда, где ещё совсем недавно было так много деревень, а теперь белеют одни берёзы. (26)Нет, в здешних местах пожары не часты, и лет пятьсот уже не было нашествий. (27)Может быть, так оно и надо? (28)Исчезают деревни, а взамен рождаются весёлые шумные города. (29)Я обнимаю родную землю, слышу теплоту родимой травы, и надо мной качаются купальницы с лютиками.

(30)Шумят невдалеке сосны, шелестят берёзы. (31)Тихая моя родина, ты всё так же не даёшь мне стареть и врачуешь душу своей зелёной тишиной.

(По В.И. Белову)*

*** Василий Иванович Белов** (1932–2012) — советский и российский писатель, поэт и сценарист, один из крупнейших представителей «деревенской прозы».

17. Из предложений 9−12 выпишите один фразеологизм.

Прочитайте текст и выполните задание.

(1)Тот, кто любит искусство истинно, кто любит поэзию, литературу, — не должен искусственно ограничивать себя только одной сферой и пребывать в полном равнодушии к музыке, к танцу, к изображению…

(2)Человеку свойственно всестороннее, гармоническое развитие интересов и вкусов. (3)И я даже как-то не представляю себе человека, который любил бы серьезную музыку и оставался бы глух к поэзии Пушкина, Блока, Маяковского, никогда не читал бы Толстого, Чехова… (4)Или страстного знатока литературы, поэзии, который не бывал в Эрмитаже, Третьяковской галерее, в Русском музее. (5)Не очень поверю я в его любовь к стихам: стихи полны впечатлении от полотен великих художников, от ландшафтов России, от городов мира…

(6)Где найти чудака, который изучает Шекспира, а в театре никогда не бывал? (7)Уж кто его любит, не пропустит «Гамлета» ни в театре, ни на экране. (8)Даже тот, кто не обладает активным музыкальным слухом, если он человек
культурный по-настоящему, он ходит на концерты, слушает музыку в записи или по радио. (9)Как можно добровольно отказаться от величайших ценностей, накопленных человечеством? (10)Как можно без них правильно судить об искусстве и о его воздействии на людей?

(11)По счастью, каждый, развивший в себе способности воспринимать искусство, не ограничивает себя какой-то одной областью (если даже он профессионально работает в ней), а, наоборот, стремится как можно больше узнать и ощутить эту благотворную связь искусств между собой.

(12)Разве наше представление о Пушкине ограничивается его сочинениями? (13)Нет! Мы не можем назвать почти ни одного большого русского композитора, который не создал бы оперы на пушкинский текст, не положил бы на музыку пушкинские стихи.

(14)О Глинке мы уже говорили. Даргомыжский написал на текст Пушкина «Русалку», Мусоргский — народную драму «Борис Годунов». (15)Римский-Корсаков — «Сказку о царе Салтане», «Моцарта и Сальери», «Золотого петушка», Чайковский — «Онегина», «Пиковую даму», «Мазепу», Рахманинов — «Алеко», Асафьев — балет «Бахчисарайский фонтан», Глиэр — «Медного всадника»…

(16)Пушкинские сюжеты в изобразительном искусстве составляют целую пушкиниану, которую начинают такие художники, как Брюллов, Репин, Врубель…

(17)Какие вдохновенные иллюстрации к «Маленьким трагедням» Пушкина создал выдающийся советский гравер Фаворский! (18)И отличные иллюстрации к «Борису Годунову» — Е. Кибрик.

(19)А облик самого Пушкина!

(20)Памятник работы скульптора Опекушина на Пушкинской площади в Москве. (21)Памятник в Ленинграде, не так давно созданный скульптором Аникушиным: вдохновенное изображение Пушкина в момент вдохновенного чтения стихов — разве это не продолжение пушкинской темы в искусстве?

(22)А исполнение стихов Пушкина и его прозы…

(23)Ильинский Игорь Владимирович «рассказывает» «Золотого петушка» так, что пушкинская сказка начинает сверкать новыми красками — чистыми, звонкими, радует тонким юмором, остротой, сатирой на царей и их
приближенных.

(24)А разве воплощенный Шаляпиным образ Бориса в опере Мусоргского не продолжение Пушкина? (25)Или шаляпинский Мельник в «Русалке»? (26)А шаляпинский Сальери?

(27)Каждый, кого интересует не только отдельное произведение, но и совокупность впечатлений, которое составляет понятие «культура», каждый культурный человек стремится воспринять все грани искусства, все его сущности, или, как еще говорят, ипостаси.

(28)Знакомство с искусством, поэзией, с литературой вызывает стремление не только воспринимать прекрасное, но и многое знать об этом прекрасном и о том, кем оно создано, как создано, когда. (29)Рождается желание глубоко постигнуть, осмыслить и сопоставить одно явление с другим. (30)Отсюда наш интерес к истории искусства, литературы. (31)Интерес к биографии создателей гениальных творений. (32)К процессу их творчества, к той эпохе, в которую они жили. (33)Разрозненные впечатления соединяются в общую картину культуры. (34)Каждому явлению отводится свое место. (35)И каждое оценивается не только само по себе, но и в сопоставлении с другими.

(36)Значительное, великое мы научаемся отличать от пошлого и от преходящего. (37)Великие творения слушаем, смотрим и перечитываем не раз и не два. (38)И с каждым разом находим в них все больше красот.

(*По И. Л. Андроникову**)

*** Ираклий Луарсабович Андроников** (1932−2009) — советский писатель, литературовед.

18. Из предложений 8–11 выпишите книжное слово со значением «оказывающий хорошее действие, приносящий большую пользу».

(1)Солдаты, расположившиеся вокруг пушки, были заняты каждый своим делом. (2)Кто, пристроившись к сосновому ящику со снарядами, писал письмо, слюнявя химический карандаш и сдвинув на затылок шлем; кто сидел на лафете, пришивая к шинели крючок; кто читал маленькую артиллерийскую газету.

(3)Живя с разведчиками и наблюдая поле боя с разных сторон, Ваня привык видеть войну широко и разнообразно. (4)Он привык видеть дороги, леса, болота, мосты, ползущие танки, перебегающую пехоту, минёров, конницу, накапливающуюся в балках…

(5)Ваня стоял у колеса орудия, которое было одной с ним вышины, и рассматривал бумажку, наклеенную на косой орудийный щит. (6)На этой бумажке были крупно написаны тушью какие-то номера и цифры, которые мальчик безуспешно старался прочесть и понять.

— (7)Ну, Ванюша, нравится наше орудие? — услышал он за собой густой, добродушный бас.

(8)Мальчик обернулся и увидел наводчика Ковалёва.

— (9)Так точно, товарищ Ковалёв, очень нравится, — быстро ответил Ваня и, вытянувшись в струнку, отдал честь.

(10)Наружностью своей Ковалёв меньше всего отвечал представлению о лихом солдате, Герое Советского Союза, лучшем наводчике фронта. (11)Прежде всего, он был немолод. (12)В представлении мальчика он был уже не «дяденька», а скорее принадлежал к категории «дедушек». (13)До войны он был заведующим большой птицеводческой фермой. (14)На фронт он мог не идти, но в первый же день войны записался добровольцем.

(15)Во время Первой мировой войны Ковалёв служил в артиллерии и уже тогда считался выдающимся наводчиком. (16)Вот почему и в эту войну он попросился в артиллерию наводчиком. (17)Сначала в батарее к нему относились с недоверием — уж слишком у него была добродушная, сугубо гражданская внешность. (18)Однако в первом же бою он показал себя таким знатоком своего дела, таким виртуозом, что всякое недоверие кончилось раз и навсегда.

(19)Его работа при орудии была высочайшей степенью искусства. (20)Бывают наводчики хорошие, способные. (21)Бывают наводчики талантливые. (22)Бывают выдающиеся. (23)Он был наводчик гениальный. (24)И самое удивительное заключалось в том, что за четверть века, которые прошли между двумя мировыми войнами, он не только не разучился своему искусству, но как-то ещё больше в нём окреп. (25)Новая война поставила артиллерии много новых задач. (26)Она открыла в старом наводчике Ковалёве качества, которые в прежней войне не могли проявиться в полном блеске. (27)Он не имел соперника в стрельбе прямой наводкой.

(28)В минуту опасности Ковалёв преображался. (29)В нём загорался холодный огонь ярости. (30)Он не отступал ни на шаг. (31)Он стрелял из своего орудия до последнего патрона. (32)А выстрелив последний патрон, он ложился рядом со своим орудием и продолжал стрелять из автомата. (33)Расстреляв все диски, он спокойно подтаскивал к себе ящики с ручными гранатами и, прищурившись, кидал их одну за другой, пока немцы не отступали…

(34)Среди людей часто попадаются храбрецы. (35)Но только сознательная и страстная любовь к Родине может сделать из храбреца героя. (36)Ковалёв был истинный герой. (37)Он страстно, но очень спокойно любил Родину и ненавидел всех её врагов.

(38)Командование неоднократно выдвигало Ковалёва на более высокую должность. (39)Но каждый раз он просил оставить его наводчиком и не разлучать с орудием.

— (40)Наводчик — это моё настоящее дело, — говорил Ковалёв, — с другими обязанностями я так хорошо не справлюсь, уж вы мне поверьте, за чинами я не гонюсь. (41)Тогда был наводчиком и теперь до конца войны хочу быть наводчиком. (42)А для командира я уже не гожусь. (43)Стар. (44)Надо молодым давать дорогу. (45)Покорнейше вас прошу.

(46)В конце концов его оставили в покое. (47)Впрочем, может быть, Ковалёв был прав: каждый человек хорош на своём месте. (48)И безусловно, для пользы службы лучше иметь выдающегося наводчика, чем посредственного командира взвода…

(По В. П. Катаеву*)

* Валентин Петрович Катаев (1897–1986) — русский советский писатель, поэт, киносценарист и драматург, журналист, военный корреспондент.

19. Из предложений 46–48 выпишите один фразеологизм.

Прочитайте текст и выполните задания 23−27.

(1)Однажды мне довелось побывать на Северном Урале. (2)Я сидел на каменной осыпи[1] одного из отрогов[2] вершины Кваркуш. (3)Из-за сопки[3] медленно поднималось солнце, и сопка то озарялась с восточной стороны, то снова делалась сумеречной от наползающих на неё облаков. (4)Но вот солнце оказалось на горбу сопки, ударило лучами по облакам и густым туманам. (5)Снег засверкал на вершине, облака потускнели, нехотя сползли в ущелья, и мир разделился надвое. (6)Вверху были сопки, с белыми зайцами на спинах, все в солнечном сиянии, все в сверкании. (7)А внизу всё затоплено, закрыто. (8)Это был тот час, когда неживая чернота сопок и осыпей окутывалась призрачным дымком и сопки не отпугивали, а манили к себе этой призрачной загадочностью.

(9)Здесь, на вершинах Урала, — начало жизни рек. (10)Здесь, в поднебесье, лежат вечные снега, питая острые родники теми скупыми каплями, из которых потом рождаются великие реки, то яростно, то степенно идущие до самого Каспийского моря. (11)Реки рождаются в блаженной, вечной тишине. (12)Рождение не терпит суеты, рождению нужен покой. (13)Низкое, скупое на тепло и щедрое на свет солнце всё же оплавляет прессованные, тяжёлые, как свинец, валы снегов, и разбегаются во все стороны юркие ручейки. (14)Ещё малые, ещё хилые, тут же совсем близко сходятся они вместе и вперехлёст, весело заплетаясь на ходу, катятся вниз по камням и осыпям. (15)И уже не остановить их, не вернуть. (16)Реки что человеческие судьбы: у них много поворотов, но нет пути назад.

(17)Осыпь, на которой я сижу, оканчивается взлётом иссечённых ветрами сопок. (18)Под сопкою, чуть ли не выскакивая на усыпанные семенами снежные груды, растут подснежники с тёплыми шероховатыми листьями. (19)А на высыпке мелкого камешника, возле маленькой, но уже по-старушечьи скрюченной пихточки, я вижу крупные багрово-розовые цветы. (20)Внизу, на склонах Урала, растут они выводками, корней по тридцать, голова к голове, лист в лист. (21)И цветы там яркие, с жёлтыми зрачками. (22)Как же попали сюда эти? (23)Каким ветром-судьбою занесло в безжалостные осыпи, в студёное поднебесье их тяжёлые семена? (24)Может, птица в клюве принесла?

(25)Их всего три. (26)И стебли их тонки, и листья у них будто из жести, и побагровели эти листья на срезах от стужи. (27)А цветы? (28)До чего же мудра жизнь! (29)Венцы цветов прикрыты, и жёлтых зрачков не видать. (30)Цветы стоят, как детишки в ярких шапочках с завязанными ушами, и не дают холоду сжечь семена. (31)И лепестки у цветов с проседью, и толсты они. (32)Вся сила этого цвета идёт на то, чтобы сберечь семена, и они не откроются во всю ширь, не зазеваются на приветливо сияющее солнце. (33)Они не доверяют этому солнцу. (34)Они слишком много перенесли, прежде чем пробудились от зябкого сна среди голых камней.

(35)Пройдут годы, и плеснут на осыпи всполохи ярких, багровых цветов. (36)А пока их здесь всего три, мужественных, непокорных цветка, и в них залог будущей красоты. (37)Я верю, что они выживут и уронят крепкие семена свои в ручейки, а те занесут их меж камней и найдут им щёлку, из которой идёт хотя и чуть ощутимое, но тёплое дыхание земли. (38)Я верю в это, потому что лет восемьдесят назад возле Кваркуша и других приполярных вершин и сопок не было ни одного деревца. (39)А сейчас в распадках низкие, костлявые, полураздетые, но сплошные леса, и даже на западном склоне Кваркуша, вокруг альпийских лугов где островками, где в одиночку — низкие, почти нагие деревца, но такие крепкие, узлистые, что корни их раскалывают камень, а от стволов отскакивает топор. (40)Деревья ведут постоянное, тяжёлое наступление и закаляются в борьбе, в вечном походе. (41)Иные из них падают, умирают на ходу, как в атаке, а всё-таки они идут. (42)Идут вперёд и вперёд!

(43)А следом за лесом летят птицы, идут звери, идёт живая жизнь, и вместе с ней эти багрово-розовые цветы с работящими корнями и живучим семенем. (44)И все эти светящиеся внизу на полянах бледными лампадами купавки, жёлтые лютики, невиданно мелкие, с мошечку величиной, незабудки, и даже чудом проникшие сюда лазоревые цветы, и уверенные в себе подснежники с восхищением глядят на нездешних жителей, на трёх разведчиков, как бы наполненных живою, горячею кровью. (45)Пусть не остынет алая кровь в тонких жилах цветов!

(*По В. П. Астафьеву**)

***Виктор Петрович Астафьев (1924−2001)** — советский и российский писатель, драматург, эссеист.

---

[1]Осыпь — осыпавшиеся обломки горной породы.

[2]Отро́г — ответвление основной горной цепи.

[3]Со́пка — небольшая гора с округлой вершиной.

20. Из предложений 26−31 выпишите антонимы (антонимическую пару).

Прочитайте текст и выполните задания 23−27.

(1) Наш взвод форсировал по мелководью речку Вислóку, выбил из старинной панской усадьбы фашистов и закрепился на задах её, за старым запущенным парком. (2) Здесь мы сначала выкопали щели, ячейки для пулемётов, затем соединили их вместе — и получилась траншея. (3) По ту и другую сторону головной аллеи парка, обсаженной серебристыми тополями вперемежку с ясенями и ореховыми деревьями, стояли всевозможные боги и богини из белого гипса и мрамора. (4) В усадьбе мы обжились и начали искать занятия. (5) И нашли их. (6) Пожилой связист, мой напарник, чинил в конюшне хомуты и сбрую. (7) Бронебойщик стеклил окна в пристройке. (8) А младший лейтенант, наш взводный, вечерами играл на рояле в панском доме непонятную музыку. (9) «Рахманинова играл», — сказал нам один узбек из пополнения.

(10) Пополнение это, разное по годам и боевым качествам, прибыло спустя неделю после нашего житья в панской усадьбе, и мы поняли: райские эти кущи скоро придётся покидать, наступать надо будет. (11) Между тем немец тоже не дремал и подтягивал резервы, потому что обстрел переднего края всё усиливался, и многие деревья, да и панский дом были уже повреждены снарядами и минами.

(12) При обстреле усадьбы пострадали не только дом и деревья, по и боги с богинями. (13) Особенно досталось одной богине. (14) Она стояла в углублении парка, над каменной беседкой, увитой плющом. (15) Богиня уже вся была издолблена осколками и казалась раненной в живое тело.

(16) Узбек, прибывший с пополнением, по фамилии Абдрашитов, в свободное от дежурства время всё ходил по аллее, всё смотрел на богов и богинь. (17)Глаза его, и без того задумчивые, покрывались мглистою тоской. (18) Особенно подолгу тосковал он у той богини, что казалась раненой, и глядел, глядел на неё, Венерой называл, женщиной любви и радости именовал и читал стихи какие-то на русском и узбекском языках.

(19) По окопам прошёл слух, будто Абдрашитов принялся ремонтировать скульптуру. (20) Ходили удостовериться — правда, ползает на карачках Абдрашитов, собирает гипсовые осколки, очищает их от грязи носовым платком и на столике в беседке подбирает один к одному. (21) Удивились солдаты и примолкли.

(22)Три дня мы не видели Абдрашитова. (23) Стреляли в эти дни фашисты много, тревожно было на передовой — ждали контратаки немцев, готовившихся прогнать нас обратно за речку Вислоку и очистить плацдарм. (24) Часто рвалась связь, и работы у нас было невпроворот. (25) По заведённому порядку, если связь рвалась, мы, связисты с передовой, должны были исправлять её под огнём.

(26) Бегая по нитке связи, я не раз замечал копающегося в парке Абдрашитова. (27) Маленький, с неумело обёрнутыми обмотками, он весь уж был в глине и гипсе, исхудал и почернел совсем и на моё бойкое «Салям алейкум!», тихо и виновато улыбаясь, отвечал: «Здравствуйте!» (28) Потом к Абдрашитову присоединился хромой поляк в мятой шляпе, из-под которой выбивались седые волосы. (29)Он был с серыми запавшими щеками и тоже с высоко закрученными обмотками. (30) Ходил поляк, опираясь на суковатую ореховую палку, и что-то громко и сердито говорил Абдрашитову, тыкая этой палкой в нагих подбитых богинь. (31) Раненую богиню Абдрашитов и поляк починили. (32) Замазали раны на ней нечистым гипсом.

(33)В дождливое утро ударили наши орудия — началась артподготовка, закачалась земля под ногами, посыпались последние плоды с деревьев в парке, и лист закружило вверху. (34)Командир взвода приказал мне сматывать связь и следовать в атаку. (35) Я как бежал с катушкой на шее, так и споткнулся, и мысли оборвались: богиня Венера стояла без головы, и руки у неё были оторваны, а возле забросанного землёй фонтана лежали Абдрашитов и поляк, засыпанные белыми осколками и пылью гипса. (36) Оба они были убиты. (37) Лежало на боку ведёрко, и вывалилось из него серое тесто гипса, валялась отбитая голова богини. (38) Стояла изувеченная, обезображенная богиня Венера. (39) А у ног её лежали два человека, пытавшихся исцелить побитую красоту.

(*По В. П. Астафьеву**)

***Виктор Петрович Астафьев** (1924−2001) — советский и российский писатель, драматург, эссеист.

21. Из предложений 16−18 выпишите синонимы (синонимическую пару).

Прочитайте текст и выполните задания 23–27.

(1)Есть в человеческом характере такая черта — с удовольствием вспоминать прошлые трудности, тобой преодолённые. (2)Это всегда приятно. (3)Пребывание в армии стало делом нашей чести, так же как для прежних молодых поколений участие в Гражданской войне, в строительстве Комсомольска и Магнитки, в покорении Арктики, а для нынешнего — в освоении целины и земель Сибири, хотя мне кажется не совсем точным сравнение мирных строек с передним краем: это всё-таки слишком разные вещи.

(4)Верно говорят, что характер моего поколения был сформирован армией военной поры. (5)Мы находились в том возрасте, когда человек особенно пригоден для окончательного оформления, если он попадает в надёжные и умелые руки. (6)Мы были подготовлены к этому ещё всем детством, всем воспитанием, всеми прекрасными традициями революции и Гражданской войны, перешедшими к нам от старших.

(7)Мы пришли в армию — наши кости ещё не окрепли, не затвердели мускулы, мы ещё росли. (8)Когда после нас осматривали новые медицинские комиссии, или, как тогда говорили, «перекомиссии», оказалось, что многие из нас прибавили в росте по нескольку сантиметров. (9)А как выросли наши души и характеры!

(10)Армия многому научила нас. (11)Это были, в свою очередь, наши университеты. (12)Одних она приобщила к технике — к танку, пушке, самолёту; других научила владеть топором, пилой и лопатой. (13)А близость к природе, к земле, на которой лежишь, по которой идёшь, которую копаешь! (14)Армия научила нас мужской дружбе — мы знали, пожалуй, только детскую. (15)Мы ушли юношами, а вернулись мужами. (16)Скольких обрели мы новых друзей и скольких из них потеряли, чтобы не забыть никогда!

(17)А разве можно забыть геройство гвардейских дивизий, железную дисциплину военных училищ или запасные полки, рвущиеся на фронт из каких-нибудь далёких тыловых лагерей. (18)Разве забудешь безмолвный Донбасс сорок третьего года, разбитые города Белоруссии и знаменитый Бобруйский котёл, где на много километров сплошным навалом, друг на друге — искорёженные немецкие танки, орудия, бронетранспортёры, машины. (19)Армейская жизнь была суровой, но сколько в ней было неожиданного тепла! (20)Я служил ещё по первому году, когда однажды к нашей землянке подошёл сержант из соседней роты и спросил: «Помкомвзвода дома?» (21)Этот вопрос потряс меня. (22)То есть как дома? (23)Дом далеко отсюда. (24)Разве здесь дом? (25)А спустя несколько месяцев я и сам говорил так.

(26)Столь же удивительным казался мне вопрос комбата к старшинам: «Покормили людей?» (27)Чего, мол, их кормить? (28)Сами поедят, только дай! (29)Или: «Первая рота покушала? (30)Вторая рота покушала?..» (31)Это слово «покушала» (не «поела») казалось нарочитым, пока я не почувствовал, что оно имеет особый оттенок — не слащаво-городской, а уважительно-деревенский: покушала. (32)Мы были очень, очень молоды. (33)Когда я смотрю на семнадцатилетних мальчиков, то думаю: «Неужели мы были такими? (34)Если на них нагрузить всё, что было на нас, да чтоб они прошли столько, сколько мы, пусть вполовину меньше, — они же не выдержат! (35)А может быть, это только кажется?..»

(36)По натуре своей мы действительно мирные люди. (37)Я никогда не встречал человека, который хотел бы сражений. (38)Но если враг нападёт на нас, мы будем воевать. (39)Это будет главным, и нам не придётся раздумывать...

(40)В жизни каждого юноши наступает момент, когда необходим качественный скачок. (41)Мы перешли в новое качество, надев красноармейские шинели. (42)Мне жаль тех людей моего поколения, кто не служил в армии рядовым. (43)Иногда, собравшись с друзьями, мы под настроение, к месту, начинаем рассказывать о своей службе, о военной поре;
мы увлекаемся, перебиваем друг друга и самих себя, перескакиваем с одного на другое. (44)А те, кто не был там, тоже слушают с интересом. (45)И как это ни странно, менее других фигурируют здесь так называемые боевые эпизоды. (46)Нет, это истории скорее познавательного характера, забавные и грустные, — о себе и встреченных тобой людях, истории, ограниченные рамками времени и обстановки. (47)И едва ли не главное в них — это множество ярких деталей, подробностей, которые, если не вспоминать их, постепенно выветриваются из нашей памяти, заменяясь другими.

(*По К.Я. Ваншенкину*)

* **Константин Яковлевич Ваншенкин** (1925–2012)) — советский и российский писатель и поэт.

22. Из предложений 10–16 выпишите один фразеологизм.

(1)Всю жизнь мою несу Родину в душе, люблю её, жив ею, она придаёт мне силы, когда случается трудно и горько... (2)Теперь, оглядываясь мысленно по стране (которую, по-моему, неплохо знаю), я вижу Алтай — особый, в высшей степени дорогой мир. (3)Может, это потому, что село моё — на возвышении, в предгорье... (4)Трудно понять, но как скажут «Алтай», так вздрогнешь, сердце лизнёт до боли мгновенное горячее чувство. (5)Когда буду помирать, в последний момент успею подумать о матери, о детях и о Родине, которая живёт во мне. (6)Дороже у меня ничего нет.

(7)Я завидую моим далёким предкам — их упорству, силе огромной... (8)Я бы сегодня не знал, куда деваться с такой силищей. (9)Представляю, с каким трудом проделали они этот путь — с Севера Руси, с Волги, с Дона на Алтай. (10)Я только представляю, а они его прошли. (11)Я склоняюсь перед их памятью, благодарю их самым дорогим словом, какое только удалось сберечь у сердца: они обрели — себе и нам — прекрасную Родину.

(12)Дело не в красоте, дело, наверное, в том, что даёт Родина.

(13)Я запомнил образ жизни русского крестьянства, нравственный уклад этой жизни, более того, у меня с годами окрепло убеждение, что он, этот уклад, прекрасен, начиная с языка, с жилья.

(14)Нигде больше не видел такой ясной, простой, законченной целесообразности, как в жилище деда-крестьянина, таких естественных, правдивых, добрых отношений между людьми. (15)Я помню, что там говорили правильным, свободным, правдивым языком, сильным, точным, там жили шутка, песня по праздникам, там много, очень много работали... (16)Собственно, вокруг работы и вращалась вся жизнь. (17)Она начиналась рано утром и затихала поздно вечером, но она как-то не угнетала людей, не озлобляла — с ней засыпали, к ней просыпались. (18)Никто не хвастался сделанным, никого не оскорбляли за промах, но — учили... (19)Там знали всё, чем жив и крепок человек и чем он — нищий: ложь есть ложь, корысть есть корысть, праздность и суесловие... (20)Нет явления в жизни, нет такого качества в человеке, которое бы там не знали или, положим, знали его так, а пришло время, и стало это качество человеческое на поверку вовсе не плохим, а хорошим, ценным. (21)Ни в чём там не заблуждались, более того, мало-мальски заметные недостатки в человеке, ещё в маленьком, губились на корню. (22)Если в человечке обнаруживалась склонность к лени, то она никак не выгораживалась, не объяснялась никакими редкими способностями ребёнка — она была просто лень, потому высмеивалась, истреблялась. (23)Зазнайство, хвастливость, завистливость — всё было на виду в людях, никак нельзя было спрятаться ни за слова, ни за фокусы.

(24)Я не стремлюсь нарисовать зачем-то картину жизни идеальной, нет, она была далеко не идеальная, но коренное русло жизни всегда оставалось — правда, справедливость. (25)Этот кровный закон — соблюдение правды — вселяет в человека уверенность и ценность его пребывания здесь. (26)Всё остальное прилагается к этому.

(27)Родина... (28)Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на Родину навсегда. (29)Может быть, это нужно, думаю я, чтобы постоянно ощущать в себе житейский «запас прочности»: всегда есть куда вернуться, если станет невмоготу. (30)Одно дело жить и бороться, когда есть куда вернуться; другое дело, когда отступать некуда. (31)Я думаю, что русского человека во многом выручает сознание это — есть ещё куда отступать, есть где отдышаться, собраться с духом. (32)И какая-то огромная мощь чудится мне там, на Родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. (33)Видно, та жизнеспособность, та стойкость духа, какую принесли туда наши предки, живёт там с людьми и поныне, и не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу.

(В. М. Шукшин. Слово о «малой родине»)

Василий Макарович Шукшин (1929 — 1974) — советский киноактёр, кинорежиссёр, сценарист и писатель.

23. Из предложений 19, 20 **выпишите** книжное слово.